

Эдуард СЕМЕНОВ

ВОЛХВЫ

БЕЛАЯ КОШКА

16+

Эдуард Семенов

Волхвы. Белая кошка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Семенов Э. Е.

Волхвы. Белая кошка / Э. Е. Семенов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Новая книга из серии «Волхвы». На что способна влюбленная женщина? А если эта женщина еще и великая ведунья, умеющая проникать сквозь время и пространство? Возможно ли вырвать любовь у смерти? Какова расплата? Чем придется пожертвовать? Что получить взамен? Невероятные приключения потомственного волхва и прорицательницы Василисы Волховой и ее возлюбленного.

ВОЛХВЫ. БЕЛАЯ КОШКА

Роман.

В оформление использовано изображение с сайта Pixabay.com с лицензией ССО.

Глава 1

Василиса Михайловна Волхова, волхв – ведунья в пятом поколении, как и всякая женщина не любила говорить о своем возрасте. Впрочем, точную цифру знали всего два человека. Ее родители. Для остального мира она являлась всегда только в двух ипостасях, как шестнадцатилетняя девочка-подросток и как двадцатипятилетняя мама упитанного увальня, Мишани.

Чаще всего в последней. Потому что самый рассвет. Потому что любимая работа и сын. А для остального есть ночь и белая кошка.

***

«Страшнее бабы кошки нет», – вспомнила Василиса любимую присказку, подъезжая к воротам усадьбы. Посигналила. Охранник узнав машину, не стал выходить и проверять пропуск, а кивнув головой, причем так чтобы она не увидела его лица, и нажал кнопку. Где-то на краю сознания, она отметила странное поведение сторожа, но не придала значения. Мало ли что?

Ворота распахнулись, и она проехала на своем ярко-красном «Ниссане» прямо на стоянку для преподавательского состава. Встала рядом с машинами коллег. Отметила, что рядом с «Мерседесом» Ивана Андреевича Сазикова стоит черная «Волга» с военными номерами.

«Не нужно было особым пророком, что бы догадаться. Снова приехали из конторы. Так все называли 6-й аналитический отдел Главного разведывательного управления Вооруженных Сил Российской Федерации. Спецподразделение, курирующее работу их центра. Интересно по чью душу на этот раз?»

Василиса посмотрела в зеркало, порадовалась своему виду. Ну, красотка же. Губки, реснички, все на месте. Поправила прическу и вышла из автомобиля, ступив каблучками своих полусапожек в золотое покрывало из листьев. Осень приятная пора. Начало учебного года. И время для романтических прогулок. У нее сегодня как раз вводная лекция для первокурсников, а потом несколько индивидуальных занятий.

А вечером бал, который она ждет уже целый год. Василиса легко походкой, поплыла в сторону дворца. Искренне сожаления, что ее никто не видит. Она сама себе казалась просто оборотенью.

Платье куплено, серьги подобраны. Серебряная цепочка, тонкая как паутинка и очень подходящая к ее серьгам, лежит в специальной шкатулке, ждет своего часа. Даже туфли разноразмерны. Сегодня вечером она должна быть сногшибательна. Ведь ей снова надо покорить его. Его. Думала Василиса поднимаясь по аллее к центральному входу дворца, где находилась преподавательская комната и несколько залов для лекций, танцев и музицирования. Вот где-то между Платьем и Туфлями. Ведунья четко увидела секундную стрелку, которая неумолимо стремилась к двенадцати часам. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один.

Сбоку от Василисы, сразу за кустами декоративной ограды раздался оглушительный грохот, взметнувшийся вверх вместе с листьями комья грязи и железа. Где-то за секунду до взрыва, осознав, что происходит, она пригнула голову, втянула ее в плечи. Увесистый осколок пролетел, едва коснувшись ее белокурых волос, и впился в ствол старинной липы, обугливая кору. Дерево загорелось, треща сухими ветками. Взрывная волна толкнула Василису на землю и она грохнулась на живот, разрывая колготки и кожу на коленях.

А потом снова наступила тишина. Василиса пришла в себя, когда к ней подбежали с охраны и помогли подняться. Они были с огнетушителями и поняв, что Василисе больше ничего не угрожает, занялись огнем.

Чуть позже из дворца вышли руководитель центра Иван Андреевич Сазиков, начинающий сидеть мужчина, в сером пуловере, коричневых брюках и такого же цвета кожаных легких туфлях, явно домашних, и офицер, в зеленом повседневном кителе с погонами генерал-лейтенанта. В руках он держал фуражку.

– Противотанковая или противопехотная? – попытался определить генерал, осматривая воронку.

– Скорее второе, Времен Великой Отечественной, – сделал предположение Сазиков, через очки глядя на Василису и спросил у нее. – Ты как?

– Было гораздо лучше, – зло ответил Василиса, осматривая себя, – колготки порвала. А через полчаса занятия начинаются. Курсанты уже собрались.

– Вот по этому вопросу к нам и приехал Владимир Андреевич, – Сазиков кивнул на генерала, – Вы как приведете себя в порядок, зайдите ко мне на минутку.

– Хорошо, зайду, – буркнула Василиса.

– А мы пока с товарищем генералом осмотрим место взрыва, – уже не глядя на Василису, добавил Сазиков, и пошел по дорожке, чтобы обойти кусты и приблизиться к воронке.

***

Убрав колготки в сумочку, и залепив колено пластырем, Василиса одернула как можно ниже юбку и вышла из уборной. До начала урока было еще минут десять. Она поднялась в кабинет ректора.

Войдя в комнату, первое, что бросилось ей в глаза на столе, был разбитый будильник. Вернее грудка металла, в котором, только обладая аналитическим умом и определенным набором знаний можно было бы угадать будильник. Василиса имела и то и другое. Поэтому сразу поняла, что будильник очень старый, приблизительно начала 19 века, и был соединен с миной проводами.

– Вот Василиса Михайловна, полюбуйтесь, что нашли, – кивнул головой Иван Андреевич, – чистая работа. Что скажете? Не узнаешь?

Василиса брезгливо взяла в руки циферблат и осмотрела тени от стрелок. Они стояли точно на том времени, когда она должна была проходить по аллее. Именно их увидело ее сознание. «Тонкая работа!» Вернула их обратно. И посмотрела на сидящего рядом с Сазиковым генерала. Тот пил чай с баранками и совершенно не стесняясь прихлебывал из блюдца.

– Пока промолчу.

Генерал макнул баранку в чашку.

– И знаете, что самое интересное, судя по характеру воронки, мина была заложена таким образом, чтобы Вас только напугать.

– Почему Вы так решили? – удивилась Василиса.

– Практически все осколки улетели в парк, а остальные прошли ровно над вашей головой. – Симеонов внимательно осмотрел голову Василисы, – Такое впечатление, что подрывник управлял не только зарядом, но и временем, и даже траекторией твоего, Василиса, движения по дорожке.. Это мистика какая-то просто.

– Ну, не всем он управлял, – возразила женщина, – Один осколок летел мне прямо в голову, но я успела увернуться. Одного осколка ведь достаточно?

– Вполне возможно и это тоже было учтено, – уже изучая будильник, выговорил задумчиво генерал, и покрутив в руках вернул на стол. – Впрочем, у Вас как у кошки девять жизней. Минус одна. Не более.

– Очень смешно, – фыркнула как кошка Василиса, – Интересно, кому понадобилась такая сложность. И самое главное зачем?

Генерал развел руками.

– Ну, не прибедняйтесь. Многие бы хотели, чтобы вы замолчали навсегда. А вот кому это надо, не мне судить. Вспоминайте. Тут уж мы Вам не помощники. Собственную безопасность волхвы обеспечивают сами. Ведь так, Иван Андреевич?

– Так, – согласился ректор, почесывая переносицу как студент, которому вдруг задали вопрос, который он не выучил.

Раздался звонок на занятия. Сазиков, больше для проформы, спросил у Василисы.

– Хотите, сегодня заменю Вас?

– Я в порядке, – сказала она как отрезала.

– Хорошо. Тогда больше Вас не задерживаю. Если буду нужен, я рядом. А мы тут пока еще побеседуем с товарищем генералом. О делах наших скорбных покалякаем...

***

Внутри у Василисы все клокотало от раздирающих ее чувств. Страх вперемишку со злостью давали сложный ароматический коктейль, который прорывался даже сквозь запах духов, которые для нее составлял сам Сальвадор Дали тайком от Галы.

И, тем не менее, сразу как только вошла в аудиторию, где сидели ее студенты, ее внутренняя кошка сказал ей «Мяу!», не «Мурр, мяу», а вот прямо воинственно «Мяяяу!» и... успокоилась. Вернула дыханию спокойствие, а осанке – уверенность. Взрыв это прошлое. Прошлое под контролем. И кто бы ни был этот человек, его не составит труда найти. Главное, будущее, размытое как картина экспрессиониста. Это будущее сейчас сидело перед ней.

Десять пар внимательных и пока еще несмышленных глаз. Шесть парней и четыре девушки. Спортсмены на уровне членов сборной страны, победители международных олимпиад по истории, физике, химии. И, тем не менее, глаза у всех несмышленные как у только родившихся котят. По меркам волхвов, конечно.

Студентов-курсантов для себя она отбирала сама. Кого-то одного должна будет попытаться сделать волхвом. На последнем шаге только одного из них толкнет в спину. Если он пройдет сквозь окно по большому кругу и вернется, то станет прорицателем. Как это в свое время сделал Сазиков, которого именно она впервые толкнула в неизвестность. Теперь он превзошел ее, потомственную ведунью, и руководит их центром. Да, самородки всегда сильнее родовых. Так повелось. Но, а она умеет лучше всех выбирать самородков.

Именно поэтому Василиса сейчас должна быть особенно внимательной, ничто не должно отвлекать ее от контакта с учениками. Ошибка выбора может закончиться печально. А может именно это было целью взрыва? Ее хотели отвлечь.

Василиса прикрыла глаза, нарисовала вокруг себя воображаемый защитный кокон, снова открыла и начала говорить.

– Добрый день! – поприветствовала она курсантов. – Сразу отвечу Вам на ваш вопрос. Про взрыв. У нас это нормально. Привыкайте. Кому такое не по нутру, может написать заявление.

Она обвела всех взглядом. Никто не смутился, не отвел глаз. Все готовы были рискнуть.

– Ну, что ж, отлично. Разрешите от лица всего преподавательского состава и от себя лично поздравить Вас с началом нового учебного цикла. Все Вы знаете, куда попали, но хочу повторить еще раз. Кого-то мне придется отсеять в ходе учебы. В зависимости от уровня подготовки Вам предложат работу в аналитических отделах органов безопасности. Тех же кого допущу до экзаменов, должны будут готовы даже к более страшной участи чем смерть. Еще раз повторюсь, сегодняшний взрыв это не самое страшное. Это вообще не страшно.

Она замолчала, внимательно вглядываясь в юные лица, но... молодые не боялись смерти. А тем не менее неудача на экзамене, так волхвы называли проход через раму, означала застрять во времени и что самое страшное, в чужом теле навечно. То есть навсегда. И снова никто не отвел глаз. Она положила перед собой листы с планом-конспектом вводной лекции.

– На этом пугать Вас заканчиваю и перехожу к теории. Начнем с определения слова «Рама». Ра-Ма. – Проговорила она по слогам. – На древнеславянском языке «Ра» обозначает поток солнца. Прошу не путать. Не само солнце, светило, а именно «поток света». Поэтому река также могла обозначаться словом «ра». Слово «Ма» – соответственно обозначает рождение. Ма-Ма – тот, кто рождает.

– Здесь, все понятно? – Все согласно кивали головой. – Отлично, тогда кто знает, от какого слова пошло слово «улица»?

Вверх взметнулся лес рук. Василиса одобрительно кивнула.

– Да, забыла предупредить. Мы не в школе. У нас руки тянуть не надо. Знаешь правильный ответ – выкрикивай. Чем раньше, тем лучше. Так мы проверяем вашу реакцию.

Глава 2

Генерал, жмурясь от удовольствия, надкусил кусок сахарной головки. Хлебнул чаю и сломал в руках баранку, кивнул в след вышедшей Василисы.

– Вот ведь ведьма, что бы ты ни говорил там, Андреич, а твоя Василиса самая настоящая ведьма, ее только что чуть жизни не лишили, а она даже не всплакнула. Железная баба. Кто отец ребенка-то у нее? Так и не создается?

Сазиков отрицательно покачал головой.

– Ну, ладно, это ее личное дело. Что делать-то будем? Кого пошлем?

Сазиков отошел к окну и взглянул на курган, желтеющий вдаль. Да, уж! Осень наступила, как-то быстро. Время летит не заметно. Казалось, только вернулся из своего столетнего турне по прошлому, а затем из Мюнхена, а уже в обычной жизни двадцать лет прошло. Как одно мгновение Жизнь поменялась как по мановению волшебной палочки. Есть деньги, слава, уважение, почет, все знает, что с ним лично будет наперед, а вот спокойствия так и не обрелось. Наоборот, раньше, когда он только и делал, что носился по стране с фотоаппаратом, жизнь была ровной и размеренной. Никаких забот, кроме Мули. Да, и то разве заботы. Просто семейные хлопоты. А сейчас? Вот что генерал приехал-то? Снова так называемое «американское правительство» готовит санкции, снова предлагает какие-то варианты взаимоотношений, от которых, как говорила его бабушка, только блуд и страдания. И надо провести глубинное исследование вопроса. Откуда ноги растут? Кто в тени? Какие козыри на руках? Что знают о нашей позиции?

В общем, круг вопросов широкий, а суть одна. Интересы безопасности нашей страны. И надо кого-то посылать, раз просит генерал. Он просто так не приехал бы. А потом надо будет говорить. Предупреждать. Брать ответственность. Услышат ли?

Еще это взрыв как-то некстати...

Сазиков вернулся к столу.

– Конечно, лучше бы мне этим вопросом заняться. Но имидж мой не соответствует. Мой личный тотем – волк, а волки в городах и посольствах не живут.

Генерал зажмурился одним глазом, и как Сухов из «Белого солнца», изрек.

– Эт, точно! Так кого?

– А что сами?

– Наши ребята копают, можешь не сомневаться. Но ведь твой источник надежнее. В общем, Андреич, надо. Поворотный момент в истории. Волхвы должны вмешаться.

Сазиков нахмурился.

– А у тебя других моментов-то и не бывает. И при всех объективных обстоятельствах, я могу предложить эту функцию только Василисе. Ты это, чертяка этакая, отлично знаешь.

– Заметь, это не я предложил, – Симеонов изобразил Велюрова из «Покровских ворот», – и как генерал безопасности хочу также заметить, что пока обстоятельства взрыва будут расследоваться, для нее сейчас это самый безопасный вариант.

– В смысле?

– Ну, давай посчитаем, что мы имеем. Взрыв противопехотной мины времен второй мировой на территории особо охраняемой зоны, детонация которой произошла посредством старинного будильника времен первой мировой войны, а может и раньше. Камеры наблюдения показали, что никто посторонний не входил и не выходил, и даже близко не подходил к месту взрыва. Что это значит?

– Взрыв был подготовлен и управлялся из прошлого.

– Именно. И направлен на вашего лучшего специалиста, аккуратно перед поручением ей особого задания, в день начала нового учебного цикла. Причем у этого специалиста есть ребенок, но неизвестно от кого. И имя отца она тщательно скрывает.

– Да, все так. Но половина из того, что ты сказал, скорее всего, случайность.

– Я бы сказал, не половина, а девяносто девять и девять десятых процентов из предложенных вариантов – ложные следы. И один только один верный. Только она может понять, кто завел будильник, – как гвозди вколачивал свои предложения генерал Симеонов.

– За неделю до взрыва.

Именно, кто-то протыкал пространство и время, как фокусник спицей протыкает воздушный шарик. Причем он попадал всегда в нужные места и нужное время. Просчитывая все варианты с дьявольским коварством. Просто запредельным. Ради чего?

– Да, понял я. И Василисе все сам скажу.

Генерал развел руками.

– Такая уж у Вас, волхвов доля. Все сами. Ну, а мы рядом, если что. Сам понимаешь.

Глава 3

К концу учебного дня, после лекции, двух вводных индивидуальных занятий и еще одной обстоятельной беседы с Сазиковым, Василиса поняла, что устала.

Напряжение дня взяло свое.

«А ведь еще бал! Его отменить нельзя. Бал это как судьба. Ну, ничего, доеду в Волхвы, – решила она. – И станет легче. Дома всегда легче. А там зайду к Потапычу, навещу сына, родителей. По дороге обдумаю предложенную Сазиковым работу. Надо понять за какую ниточку начинать тянуть в деле со взрывом».

Вот с таких ворохом мыслей, она шла к машине, стараясь не смотреть в сторону, на воронку от взрыва. И, тем не менее, не удержалась. Посмотрела. Ее уже припорошило опавшей осенней листвой. От этого воронка стала похожа на место старта космического корабля. Василиса на минутку остановилась возле нее, разглядывая края ямы. На посыпанной гравием и заляпанной землей дорожке были отчетливо видны следы инвалидной коляски.

«Филька, – подумала Василиса. – Конечно, это его следы!»

Она посмотрела по сторонам и увидела, как над самой землей, молча пролетела большой рыжей филин, а за кустами на соседней дорожке мелькнула рыжая шевелюра ее родственника и друга детства. Филипп явно направлялся к себе во флигель.

– Филипп, – закричала Василиса и замахала свободной рукой, привлекая внимание. – Подожди меня.

Она увидела, что друг детства заметил ее, но не остановился. И все же Василиса решила догнать его и, поэтому быстрым шагом пошла в ту же сторону.

В одной из командировок, примерно такой же, в какую посылали Василису, Филипп принял участие в воздушном бою. Его самолет сбили. Пришлось катапультироваться. Приземление оказалось неудачным. С тех пор Филипп очень сильно изменился, стал нелюдим и переехал жить в специально выделенный для него дом на территории центра, где сосредоточился на различных научных разработках и нестандартных технологиях.

Филипп явно не хотел встречаться с Василисой, и поэтому ей пришлось даже немного пробежаться.

– Филипп, ну подожди же меня, – выдохнула Василиса, хватаясь сзади за ручки кресла, когда, наконец, догнала его, – почему ты не хочешь поговорить со мной?

– Если бы я что-то мог тебе сказать, то сказал, – ответил Филипп, бросая крутить колеса и позволяя Василисе взять на себя роль движущей силы. Филипп пролетел немного вперед и уселся на ветку дерева, которая стояла у дорожки, мимо которой они должны были пройти.

Филипп поправил свои очки и спрятал руки в теплые варежки.

– Что совсем ничего не видел? – спросила Василиса.

– Все шесть чувств у меня в порядке, – огрызнулся парень. – И летать тоже могу.

Увечье стало для Филиппа сильным ударом, и он винил в нем всех окружающих, Любкой даже мифический намек на свою ущербность воспринимал в штыки. Василиса решила сменить тему.

– Шурку давно не видел?

– Он уже полгода в Южной Америке, во временах Че Гевары. Воюет, – выдохнул он и уклонился от прямого ответа. – А может, пьет с Гогеном. Не знаю.

– Черный пес неисправим, – усмехнулась Василиса. – Эстет и бунтарь. Меня вот тоже посылают.

– Куда?

– Кошкой. Туда.

Она махнула рукой и указала пальцем в небо.

– А-аа, – протянул он, и недовольно шмыгнул носом. Василиса поняла, что снова что-то не то сказала. Но парень сам раскрыл причину своего недовольства.

– Меня вот перестали куда-то посылать. Самому же бродить по прошлому, оказывается совершенно не интересно.

– Волхвы не могут жаловаться на свою жизнь. Значит, еще не пришло твое время.

– Да, я понимаю, и все равно хандрю.

Они дошли до флигеля, большого двухэтажного здания с наружным лифтом. Дом стоял на краю парка усадьбы рядом с конюшней и большой теплицей, где выращивали фрукты и овощи для столовой центра. Флигель был выкрашен в ярко-желтый, лимонный цвет и напоминал психушку.

– В дом не приглашаю, извини, – остановил Василису Филипп на пороге, – не прибрано там. Да и не ждал никого.

Василиса уже хотела попрощаться, но Филипп сделал пальцами рук еле уловимое движение, и достал из своей варежки то, чего Василиса никак не ожидала. Ворожея даже запнулась на полуслове.

– Что это, Филя? Ты где взял?

– Нашел на месте взрыва. Ну, не я, а филипп. Я потом у него забрал. Ты знаешь, чье это? В руках у Филиппа была серебряная цепочка. Тонкая как паутина.

– Можно? – Василиса протянула руку.

Филипп отдал ее ей.

– Пожалуйста, так чья это цепочка?

Василиса покачала головой.

– Не могу сейчас сказать, мне надо проверить. Но вполне возможно и моя.

Филипп поднял голову и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Ах, вот оно даже как, – сжал свои и без того тонкие губы. – Ты понимаешь, что это очень серьезно.

– Более чем, но я не уверена, мне надо проверить.

– Тогда забирай и проверяй, но будь осторожна, – Филипп вызвал лифт, больше не желая общаться. Она не стала настаивать. Помогла ему въехать в лифт. попрощалась. После того, как лифт уехал, она заметила, как его филипп влетел в слуховое окно дома. Пошла назад, к машине.

Теперь ей нужно было домой еще по одной причине. Надо было проверить наличие цепочки в шкатулке. Если ее там нет, то это означает, что она у нее в руке. И значит, цепочка каким-то образом попала где-то в прошлом в руки того, кто хотел ее убить. А если же цепочка все же лежит в шкатулке, то тогда надо будет выяснять, откуда взялась эта?

Василиса сжала в кулак серебро. Благородный металл был холодный. Подозрительно холодный. Или начал нагреваться. Нет, просто согрелся в ладони. Не более того.

Открывать или не открывать шкатулку? А может принять как факт, что цепочка ее...

Глава 4

У старого дуба на развилке трех дорог теперь стояла табличка «Деревня Волхвы. Памятник архитектуры федерального значения» и торчало три указателя: к деревне, к скале «Кудыкина гора» и к селпо. Василиса не стала останавливаться как богатырь на распутье, и сразу свернула к магазину.

Собственно говоря, это был тот же путь в деревню, только с другой стороны улицы. А в магазине ей надо было купить что-то к ужину и к чаю. Не с пустыми же руками приезжать. Да, и заодно с бабой Аллой поболтать.

Неофициальный центр по сбору и концентрации слухов и сплетен или сокращенно ОБС (Одна бабка сказала) работал в деревне круглосуточно. Бабка Алка, являясь фактически монополистом на территории приблизительно равной половине Люксембурга, уже давно требовала себя называть не иначе как Алла Вячеславовна, и вела себя как королева бензоколонки, то есть супермаркета, то есть полцарства, которое за коня. Василису она недолюбливала, но, тем не менее, и зла не держала. Все же соседи. А все жители Волхвов своих всегда поддерживали.

Естественно, про взрыв в учебном центре она уже знала и имела не менее трех совершенно достоверных версии случившегося. Инопланетяне, диверсанты из прошлого и конечно «они», которые во всем виноваты. Всеми тремя версиями она с удовольствием и поделилась с Василисой, нисколько не смущаясь присутствия туристов. Впрочем, и ведунья, не смущаясь, выдала еще две – японские ниндзя и покемоны.

Сказки бабы Аллы и приобретение сувениров на память были обязательной частью туристического маршрута, наравне с посещением Кудыкиной горы, загадыванием желания на ее вершине и осмотром коллекции русских наличников на домах жителей деревни вперемешку с дегустацией браги, самогона и пива.

Система безопасности села действовала по принципу, если хочешь чего-то скрыть, то положи это на самое видное место. Весь этот лубок надежно прикрывал от назойливых глаз все тайны Волхвов и позволял коренным жителям деревни спокойно жить, не допуская в свои секреты посторонних.

Когда же туристы, кажется, это были китайцы, ушли, заплатив за сувенирные магниты, кредитной картой, Василиса смогла спросить у Аллы Вячеславовны еще раз, что она думает по поводу взрывов. Только на этот раз по настоящему. Без шуток. Все-таки бабка Алка не просто так сидит на перекрестке всех дорог. Все слышит, все знает.

Алла тут же сняв с себя маску расписной дуры, достала из передника пачку своих любимых папирос и кивнула головой, пригласила выйти на крыльцо.

– Пойдем, покурим, дочка.

Они сели на крыльцо. Алла предложила свои папиросы, но Василиса достала тонкие «Вог». Прикурили от зажигалки Василисы.

– Скажу честно, – сразу перешла к делу баба Алка, глядя на отъезжающий автобус с туристами. – Раньше все же жить проще было. Золота хоть и не было, но была надежда его получить. А сейчас вот оно течет мимо полноводной рекой, черпашь из нее сколько хочешь. И никакой радости. Сегодня все норовят в Волхвы приехать за пророчествами. А они же все липовые. Как у цыган. Я сегодня весь язык отболтала про женихов богатых и невест умных

вещая, но тебе скажу по другому, по настоящему. Сорока на хвосте принесла весть, что искать тебе надо там, Вася, где меньше всего хочется. На самое дно опускайся, может быть даже и за пределы круга выйти придется, иначе нового взрыва не избежать. И ладно, если он тебя коснется. Хуже если близких зацепит. Всех снесет как ураганом.

Василиса молча глядела на то, как тлеет огонек на конце сигареты.

– Да, знаю я баба Алла, но не знаю, как до дна достать. Да если и достану, то ничего не смогу изменить. Ты же знаешь, с чем пришла, с тем ушла.

– А ты пробуй. Много раз пробуй. Столько сколько надо пробуй. На-ка вот тебе, – Баба Алла порылась в кармане передника, – талисманчик.

Она достала «куриного бога» на ниточке. Камешек с дырочкой в центре промытой морской водой.

– На шею повесь и держи, как запасное кольцо от парашюта. И дергай за него, когда червячок сомнения появится. Если оторвешь и не заметишь, значит, все правильно сделала. Свое оно всегда с тобой будет, а чужое оторвать и выбросить. Туда ему дорога. Только смотри, чтобы камушек к чужим рукам не прилип. Ну, ты и сама это знаешь. Не слабее меня ворожить умеешь.

***

Не выпуская из зажатого кулака «куриного бога» и цепочку, Василиса поднялась по ступенькам в библиотеку и тенью прошмыгнула в темную комнату. Ту которую всегда держали закрытой. Но у Василисы давно был ключ от замка. Она тихонько открыла дверь и проскользнула внутрь, чтобы через несколько минут выйти уже в новом теле. Шестнадцатилетней юной красавицей.

Конечно, за этим сиюминутным превращением стоял долгий сложно объяснимый с точки зрения простой физики полет в мерцающем пространстве, падение в пустоты без шансов найти опору. Проход через несколько порталов в точно выверенной последовательности и такой же путь обратно, но для Василисы это была обычная вечерняя процедура.

Как будто переодеться из рабочего и дорогого костюма в одежду попроще для дома, для хозяйства, для семьи, что-то вроде спортивного костюма и тапочек, например.

Вот такой юной девой она вошла в читальный зал, где за столами с джойстиком сидели подростки и играли в компьютерные игры. Не все, конечно. Кто-то читал, кто-то смотрел телевизор, кто-то общался с Потапычем.

Появление еще одного подростка никак не повлияло на занятия ребят. Только один из них, мальчишка, лишь на три-четыре года моложе ее, русоволосый, урчавый с прямым носом, оторвал глаза от монитора и небрежно вставил в он-лайн – переговоры, которые доносились из наушников.

– Мама, наконец-то ты вернулась. А мы тут с ребятами по сетке гоняем. Будешь с нами? Василиса потрепала мальчика по волосам.

– Не сегодня, Мишуня.

– А что у тебя?

– Сейчас поужинаем, а потом у меня встреча с отцом.

Мальчик поджал губы, как будто услышал, что-то не очень приятное для себя и буркнул под нос.

– Ну, передавай ему привет о меня.

– Обязательно, передам. Он очень тебя любит.

Мальчик клюнул носом, будто соглашаясь, и снова погрузился в игру. Василиса прошлась по книжным полкам и нашла свою любимую книгу «Герой нашего времени» Михаила Лермонтова. Взяла ее с полки. Полистала, нашла картинку с портретом автора, посмотрел на сына, покраснела и вернулась с ней к столу библиотекаря. Положила книгу на стол.

– Запишите на меня, Степан Потапыч.

– Опять, – Степан Потапыч, натянул на нос очки, взял в руки книгу и вынул из кармашка на второй странице книги карточку. Вписал в нее имя Василисы и ее телефон.

– Опять, Степан Потапыч, опять, – тяжело выдохнула Василиса. – Ничего мне не говорите. Все знаю.

Библиотекарь отвернулся к окну.

– Все равно мальчик рано или поздно узнает, кто его отец. Что ты ему скажешь?

– Правду.

– Эх, Василиса, Василиса, – он снова тяжело вздохнул. – Ладно, будь что будет.

Подвинул в ее сторону книгу.

– Бери.

Василиса поблагодарила, взяла книгу и позвала Михаила.

– Нам пора, Миш. Говори всем пока.

Миша как послушный ребенок поднялся со своего места. Обошел всех своих друзей и с каждым попрощался своим особым способом. С кем-то ударившись кулаком об кулак. С кем-то подержавшись за запястье. Василиса спокойно смотрела на этот ритуал. У них в её возрасте тоже был нечто похожее.

Уже по дороге к своему дому, на улице Миша взял мать за руку и пошел с ней рядом, рассказывая о том, чем занимался сегодня целый день.

– У нас сегодня четыре урока было, мам. А на первом приходил какой-то дядька, рассказывал о войне.

– Интересно.

– Я тебя умоляю, мам. Дядя Шура в сто раз зыканнее рассказывает.

Василиса согласилась.

– Правда, дядя Шура лучше знает про войну. А еще можно у Ивана Андреевича спросить.

Он тоже воевал.

– Это когда он бутылкой поджег фашистский танк?

– Ага.

– Он сто раз рассказывал.

Михаил поднял с земли длинный прут и принялся сражаться им с зарослями крапивы вдоль дороги. Василиса залюбовалась его еще неуклюжей фигурой. Для нее он был божественно красив. А лицом вылитый отец.

– Мам, а когда папа к нам придет. Он опять будет сегодня занят.

Василиса немного растерялась.

– Не знаю, Миш. Спрошу у него сегодня. Обязательно.

– Тогда давай быстрее ужинать, и я пойду спать. А утром ты мне скажешь. Да.

Василиса промолчала. Что она могла сказать сыну? Что завтра его отца уже не будет в живых. Нет, пока она не готова была в этом признаться.

***

Василиса на скорую руку пожарила котлеты и сварила макароны. Миша успел за это время, прочитать ей домашнее задание и показать, как его сделал. В первый день учебного года было задано не много. Математика, русский язык. По литературе было задано домашнее чтение. Надо было выбрать любую книгу из рекомендованного списка.

– Мам, а можно я перед сном прочитаю? – спросил сын, почесывая плечо. – Почитаю честно.

– Хорошо, тогда книгу выбирать мне, – ответила Василиса.

– Герой нашего времени?

– Угадал, а ты что хотел?

– Про роботов.

– Про них можешь читать в каникулы.

– Понятно, – грустно вздохнул Михаил, – и почему про роботов не включают в школьную программу. Ведь про них интереснее читать?

– Понимаешь, сын, – задумалась Василиса, – наверное, если будешь знать, что думают люди, то уж понять, как действуют машины, а роботы ведь машины, созданные людьми, тоже не составит труда.

– Вот, было бы здорово, если бы «Герой нашего времени» был бы про робота.

– А ты представь, что в каком-то смысле так оно и есть.

– Что, правда?

– Ты прочитай, а завтра обсудим.

Михаил оживился.

– Ну, класс. Хорошо.

Он подвинул к себе тарелку. Залил ее содержимое кетчупом и майонезом.

– Смотри ма, получился кетчунез.

Василиса засмеялась.

– Выдумщик.

Полужинав и еще немного поболтав о домашних делах, они разошлись по своим комнатам. Михаил жил в отдельной комнате под самой крышей. Василиса прислушалась, как он ступает по ступенькам. Скрипнула дверь. Проверять, что он будет делать, в их семье было не принято. Они доверяли друг другу. Помыв посуду, и убрав ее в сушилку, Василиса погасила свет на кухне и ушла в свою спальню.

Еще раз прислушалась к сыну. Михаил вышел из своей комнаты, сбегал в туалет и вернулся. Все, теперь уже не выйдет до утра. Если, конечно, только в окно с ребятами в ночное не убежит, но ... мальчишки есть мальчишки. Василиса закрыла дверь своей спальни. Свет не зажигала. Шторы на окне в комнате были раздвинуты. И прямо в окно светила полная луна. От нее по лакированным доскам проходила лунная дорожка. Светила матовым светом настолько ярко, что включать электричество совершенно не требовалось.

Василиса достала из шкафа платье. Надела его. Покрутилась перед зеркалом. Взяла с полочки колечко. Примерила его на палец. Его подарок. Надела серьги. Посмотрела на шкапулку. Поднесла серебряную цепочку с места взрыва к ней. Покачала как маятник. Даже положила сверху на крышку. Но узнать о том, что в шкапулке, можно было только открыв ее.

Василиса выстучала подушечками пальцев на крышке шкапулки какую-то незамысловатую мелодию. И решительно отодвинула ее от себя. Нет, не хочу знать, что внутри. Будь, что будет!

Вдела цепочку в ушко «куриного» бога. Он прошел идеально. Как будто специально был приготовлен. Надела цепочку на шею. Немного подумала. Достала из шкафа туфельки. На низком каблуке, мягкие и удобные. Для бега и для танцев. Не слетят, не натрут кожу. Надела их. Еще раз осмотрела себя в зеркале. Взяла с тумбочки маленький саквояж на крепкой застежке. Проверила его содержимое. Все, что ей было нужно, там было сложено и готово к применению. Она знала, что там, куда сейчас попадет, будет идти дождь, поэтому надела сверху непромокаемую накидку с капюшоном.

«Да, все как в последний раз. Он меня вспомнит быстро!»

Встала на лунную дорожку, точно рассчитала разбег, так чтобы успеть проникнуть сквозь время до того, как свет закроет появившаяся в углу неба тучка, и, разбежавшись по ней, прыгнула в окно.

Глава 5

У каждого из волхвов по крови было несколько способов проникать во время и пространство. Чем выше уровень знаний Волхва, тем больше вариантов. Василиса любила использовать бег по лунной дорожке, старый проверенный веками способ. Он имел только один недостаток. Попасть в точно заданное время и место можно было не чаще чем один раз в год. Сдвиг по фазе

и искривление пространства давали смещение во времени и поэтому из первого дня осени она выпала ровно в середину лета, но приблизительно сто семьдесят лет назад.

Такой прыжок она совершала уже не в первый раз, поэтому точно знала, что увидит на другом конце пути.

Нырнув в окно, и вытянувшись в нить тоньше-тонкого, через мгновение она вновь собрала себя в низком грязном помещении, сложенным из огромных валунов и плоских плит, щели между которым были заткнуты мхом. Крыша дома уходила конусом вверх и в самой верхней точке сходилась в пирамиду. В центре этого жилища стояла большая печь. Возле нее на лавке спал бородатый мужик, одетый в залатанную одежду горца. В полудреме подняв голову, он испуганно уставился на силуэт женщины, появившийся неизвестно откуда.

– Спи, Мустафа, я твой сон, все будет хорошо, – прошептала Василиса, – через три дня тебе надо будет запрячь своих быков и вместе с телегой отвезти их к горе Машук, там где ровная тропинка. Вечером, часов в шесть-семь оттуда надо будет забрать раненого офицера. Если все сделаешь правильно, его друзья заплатят тебе золотой монетой. А сейчас, спи!

Мустафа упал головой на свою постель и закрыл глаза. Василиса увидела, как он с закрытыми глазами перекрестился, и услышала, как уже во сне прошептал: «Как скажете, барыня!»

Удостоверившись, что все, что она взяла с собой: сумочка, украшения, туфли – на месте, Василиса на цыпочках вышла на улицу и пошла вниз по серпантину дороги к Пятигорску. Обернулась назад. Окошко-портал примостилось на фасаде этого кривого и странного сооружения и было видно издалека. Светило, как маяк. Само строение выглядело здесь несколько неестественно. Сложенное из огромных валунов и неотесанных плит, оно примостилось у подножия скалы, будто заночевало на груди утеса-великана. И именно этот великан складывал их в некое подобие пирамиды. Впрочем, вполне возможно такое впечатление создавалось из-за внутренней подсветки у наличников.

Василиса вышла из хижины и пошла в сторону Пятигорска, она шла и не оборачивалась, поэтому не видела, как в след за ней из дома вышел Мустафа и крадучись пошел за ней. Василиса шла быстрыми шагами, потому что знала, что через двести шагов встретит возвращающегося из города доктора.

Увидев одинокую девушку, она назовется служанкой местного купца, посланного за образцами ткани к дочерям генерала Верзилина, он сильно удивится, но развернет свою кибитку и доставит ее к дому генерала, где как раз собирались гости, в основном – офицеры, находящиеся на излечении.

Среди них были два приятеля по кадетскому корпусу отставной майор Николай Мартынов и поручик Тенгиского пехотного полка Михаил Лермонтов.

Двенадцать раз Василиса совершала этот прыжок в пустоту. Двенадцать раз она всеми силами и всяческими способами пыталась помешать их смертельной дуэли, но все безрезультатно. Старуха не выпускала ее мужчину из своих рук, каждый раз повторяя: «Он мой!», но Василиса не сдавалась. Она точно знала, что Михаил ее, и только ее.

А значит, тринадцатый раз может быть решающим.

Главное, только все сделать как надо.

***

Дом генерала Верзилина был обычным ничем не примечательным одноэтажным строением Пятигорска. Сложенный из местного камня, с покатой черепичной крышей. Он находился на углу улиц Буачидзе и Большой Средней. Восемь комнат и гостиная.

Однако две дочери и племянница на выданье, жившие в этом доме, служили центром притяжения для всех отдыхающих в Пятигорске холостяков, желающих породниться со знаменитым и геройским военачальником.

Когда Василиса вошла в дом, гости уже собрались и вели оживлённую беседу. Лермонтов сидел на диване с падчерицей генерала, Эмилией Клингенберг. Напротив них, у окна, которое

выходило на улицу, на фортепиано играл князь Трубецкой. Рядом, опершись на инструмент, стояли и слушали музыку – Мартынов и Надежда Верзилина, жена генерала. Самого генерала не было. Он неважно себя чувствовал. Мартынов был одет в костюм терских казаков, и время от времени, машинально позвякивал кинжалом, который висел у него на поясе. Поскольку все в этот момент были одеты в штатскую одежду, то Мартынов на этом фоне сильно выделялся.

– Будьте осторожны, милая Эмилия при общении с этим страшным горцем! – сказал Михаил своей собеседнице шутливо, кивнув в сторону Мартынова. Он знал, что Николай неровно дышал к падчерице, но, тем не менее, не смог сдержаться от колкости.

В этот момент Трубецкой, увидев Василису, перестал играть и слова поэта отчётливо как пощечина прозвучали в зале. Присутствующие весело рассмеялись. Их тоже забавлял воинственный вид Мартынова, поэтому смех был чуть более громкий, чем было бы уместно.

Самолюбие Николая было задето. Он действительно испытывал к Эмилии определённые чувства. Насмешки при ней в его адрес вывели майора в отставку из себя. Он «взорвался». И резко бросил:

– Я больше не намерен терпеть издёвки господина Лермонтова, хотя терпел их долго.

Однако Михаил Юрьевич не воспринял это высказывание всерьёз. Он тоже заметил Василису и забыл обо всем. Не придав значения словам Мартынова, повернулся к своей собеседнице и заметил:

– Такое бывает. Завтра мы помиримся и станем добрыми друзьями.

Поэт поцеловал руку Эмилии, извинился, что покидает ее, поднялся и под прицелом гневного взгляда Мартынова направился к Василисе.

– Кто вы прелестная незнакомка? – обратился Михаил как можно любезнее к Василисе.

– Все зависит от того, как Вы себя поведете? – в тон ему ответила Василиса и объяснила. – На улице идет дождь, я промокла и, кажется, заблудилась. Зашла на огонек, в надежде, что мне здесь дадут согреться и обсохнуть.

К девушке подошла жена хозяина дома. Василиса присела в низком поклоне и представилась:

– Здравствуйте, Надежда Петровна, я Василиса, дочка Марии Георгиевны Поповой.

– А, Марии Георгиевны, что продала нам этот уютный дом, помню, помню, – Хозяйка дома вспомнила даму, что продала им дом, правда она не могла вспомнить, была ли у той дочь, но это было и не важно. Перед ней стояла милое дитя. Внутри нее проснулась мать и заботливая хозяйка. – Ты вся промокла. Что случилось?

– Я задержалась у модистки. Пошел дождь. Разрешите, переждать ненастье.

– Конечно, дитя мое, располагайся. Тем более, что у тебя вроде даже появился кавалер, – сказала Надежда и, погрозив Лермонтову пальцем, вернулась к Мартынову, который продолжал кипеть от негодования.

Лермонтов совершенно не спускал глаз с Василисы, напрочь забыв обо всем.

***

Весь вечер Михаил и Василиса провели в танцах и веселых беседах, не сводя друг с друга глаз. Михаил уже ни на кого не обращал внимания, и Мартынов смог спокойно уделить внимание Эмилии. Казалось, конфликт затих сам собой. Когда пришло время расходиться, Михаил вызвался проводить Василису. Они вышли из дома и пошли по улице в сторону гостиного дома, любясь полной луной, пробившейся сквозь тучи и присевшей на краю одной из вершин, окружавших город.

Где-то метров через пятьсот их догнал Мартынов. Он бежал за ними, поэтому, когда поравнялся, тяжело дышал.

– Михаил, подожди, – сказал он резким тоном, требуя к себе внимания, – мне нужно с тобой серьезно поговорить.

– Мартыш, давай не сегодня, – Михаил, склонив голову на бок, взял руку Василисы и совершенно не смотрел на отставного майора.

– Поручик Лермонтов, сколько раз я просил Вас так меня не называть, – было темно, поэтому лица Мартынова не было видно. В противном случае, Василиса могла бы сказать, что он сильно покраснел от злости. Она уже знала, что будет дальше. И не стремилась изменить ход событий. До этого, она просила Лермонтова извиниться. И он сделал это, но в итоге все равно все кончилось дуэль, поэтому она просто опустила голову и молчала.

– Мартыш, – Лермонтов как будто не слышал своего собеседника, – ну, что ты право слово. Я же так тебя называю ее с детства.

– Да, но мы уже давно не дети. И потом ты унижаешь меня в присутствии дамы. За сегодня уже дважды.

– Знаешь, Мартыш, я не буду против, если и ты придумаешь что-то колкое и посмеешься надо мной в присутствии дам. Их это позабавит. Ведь, правда, – Лермонтов попытался найти глаза Василисы, как бы испрашивая ее поддержки. Василиса лишь пожала ему руку, в знак того, что рядом. Лермонтов же воспринял это как знак одобрения. И процитировал стихотворение, которое недавно сочинил:

– Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон, но Соломонов сын,

Не мудр, как царь Шалима, но умён. Умней, чем жидовин.

Тот храм воздвиг – и стал известен всем гаремом и судом,

А этот – храм, и суд, и свой гарем несёт в себе самом.

От этих слов Мартынова словно оттолкнула от пары. Он опустил голову.

– Не смею Вас больше задерживать. Михаил Юрьевич, я пришлю Вам секундантов.

– Ах, брось, Коля, – усмехнулся Михаил, потом пожал плечами, и посмотрел на Василису.. Ему не хотелось начинать этот разговор при даме, но как истинный офицер он уже не мог отшутиться. Сменив тон ответил. – Впрочем, я всегда к Вашим услугам.

Мартынов резко развернулся и исчез в темноте. Василиса же, отчасти жалея, что ничего не может сделать, отчасти из нежности к своему любимому мужчине, не смогла удержаться и прижалась к Михаилу всем телом. Через несколько мгновений их губы нашли друг друга.

***

Утром третьего дня проснувшись в комнате Лермонтова, Василиса долго гладила его волосы и смотрела в его лицо. Она совсем потеряла голову и не вела счет дням, хотя отлично знала, что все закончится, когда в дверь постучит Глебов, секунданта Мартынова. Она посмотрела на стол в комнате Михаила. На нем стоял будильник, и тонкая секундная стрелка отсчитывала последние мгновения ее безмятежному женскому счастью. Василиса с ужасом узнала эти стрелки! Тут же постаралась отогнать внезапно посетившую ее мысль, что взрыв мог быть подготовлен ... Она встряхнула головой, отгоняя эту мысль, и в тоже время подумала, ну и пусть это будет он. Значит, такая судьба! Но я все равно сделаю, что задумала. Она легонько толкнула Михаила. Пришло время говорить.

– Миша, проснись.

Мужчина развернулся на спину, но глаз не открывал.

– Который час?– попытался притянуть к себе женщину, и та разрешила себя поцеловать, но затем вывернулась и села.

– Скоро рассвет.

– Ясно, – мужчина сжал кулаки, хрустнул пальцами. – Значит, мне скоро пора на развод. Дождись меня. Я скоро.

Василиса положила ему руку на грудь.

– Дождусь, но я хочу тебе сказать несколько слов. Постарайся быть серьезным.

– Слушаю тебя, мое сердце.

– Вот ты опять хохмишь, а тем не менее через несколько минут в дверь постучит Глебов. Он принесет тебе вызов на дуэль от Мартынова.

– Ой, Мартыш. Это все ерунда, ну мы съездим вечером на гору. Это будет прекрасная прогулка. Возьмем с собой вина. Мы постоим друг перед другом, потом пальнем в небо и вернемся к Верзилиным. У них сегодня очередной званный вечер.

Василиса покачала головой.

– Нет, все будет не так. Вы отмерите тридцать шагов. Начнете сходитьсь. У барьера Мартынов опустит свой пистолет и всадит тебе пулю прямо в сердце. Вот сюда.

Она нажала на грудь. Михаил посмотрел на ее тонкую руку, а потом взял в свои пальцы и начал целовать.

– Значит, у меня такая судьба. И нам не стоит терять не секунды.

Он набросился на нее как тигр, целуя везде и распалая ее желание. Когда они снова упали на подушки, в дверь постучали, и из коридора раздался голос Глебова.

– Михаил Юрьевич вы здесь, откройте.

***

... Грохнул выстрел. Лермонтов опустил глаза и посмотрел на дымящуюся рваную рану в своей груди, из которой пульсирующими толчками сердце выпихивала кровь. Потом посмотрел по сторонам, поискал глазами Василису и начал оседать на сырую каменистую землю, устремив глаза в небо. Небо было темным и нависало буквально над головами. Шел дождь.

Все мужчины, присутствующие при дуэли, замерли в оцепенении, не имея возможности не вымолвить ни слова. Мартынов выпустил из рук пистолет, и дрожал как осиновый лист. Пистолет лежал у его ног и из ствола струился дым.

Василиса, которая все это время находилась неподалеку, метнулась к телу Михаила белой тенью, на ходу раскрывая свой саквояж. Достала из саквояжа снотворное и вколола Михаилу в ногу.

– Спи, Михаил, просто спи.

Лермонтов закрыл глаза. Василиса махнула рукой, подзывая Мустафу. Тот вывел своих быков из укрытия. Быки двигались достаточно быстро, но для Василисы все растянулось до бесконечности. За то время, пока они преодолевали расстояние до нее, Василиса достала марлю, спирт, перекись, пинцет и скальпель. Плеснула на грудь перекись, а спирт – на скальпель и пинцет. Быстрым в буквальном смысле филигранным движением полоснула по ране, раскрыв ее.

Каждый раз пуля пробивала сердце, и достать ее было уже невозможно. Старуха всегда смеялась над ней, выслушивая про ее попытки.

В этот раз у Мартынова лишь чуть-чуть дрогнула рука, когда она изобразила обморок и громко охнула. Пуля на долю миллиметра изменила свою траекторию и застряла в мягких тканях, не задев сердце. И это было самое главное. Этого она не могла изменить до этого ни разу. А сейчас у нее получилось. Да, какие-то доли миллиметров. Но этого достаточно, чтобы спасти его. Свинцовая оболочка лишь коснулась сердечной мышцы. Пинцет вырвал пулю из тела раньше, чем начались необратимые процессы. Но вынуть свинец из тела, было мало, надо было остановить кровотечение, зашить и обработать рану.

В условиях усиливающегося дождя это было невозможно.

Василиса кинула пинцет с пулей в саквояж и зажала пальцами рану. Теперь они стали единым целым. Одним организмом. Марля, которой она держала рану, тут же стала багрового цвета.

– Быстро, бери его за плечи. Помогай мне, – приказала Василиса Мустафе, который один сохранил спокойствие духа. Она показала, как надо делать.

Тело уже почти не дышащего поэта переместили на повозку.

– Гони к своей сакле, Мустафа. Миленький, не останавливайся.

И тут Мустафа заупрямился.

– Мне обещали золотой. Я хочу получить его здесь.

Василиса обвела глазами мужчин, которые смотрели на нее как на сумасшедшую.

– Есть у кого-то золотой? Нужно заплатить вознице. Господа, это вопрос жизни и смерти Лермонтова, великого поэта.

– Василиса Михайловна, ну откуда у нас деньги? Мы же собирались на дуэль, а не в ресторан, – ответил за всех смущенно Глебов.

Мустафа нахмурился.

– Без денег не повезу.

Василиса не отпуская рану, сдернула с пальца перстень. Сунула ему в руку.

– Вот.

Мустафа покачал головой.

– Этого мало.

Она сдернула с шеи цепочку, как будто выдернула чеку из гранаты.

– Вот возьми еще и это. Серебряная.

Мустафа взял цепочку и внимательно посмотрел на камень.

– Это тебе точно уже не нужно? – спросил он задумчиво, где-то в углу его взгляда блестяло затаенное злорадство, а потом посмотрел на Лермонтова, – Куда везти то его, барыня? Может здесь с ним простишься, все равно не жилец.

– В саклю, – крикнула Василиса, тут же забыв про цепочку и камень, и еще сильнее пальцами сдавила марлю, пережимая артерию. – Гони.

Однако слово «гони» к быкам было сложно применимо. Мустафа выжал из них все, что мог, но к своему дому они смогли добраться лишь минут через пятнадцать. Лермонтов уже не дышал. Василиса прижималась к его груди ухом, стараясь услышать дыхание, но все было бесполезно. Он умер.

В бессилии Василиса упала на колени перед наличником и в голос зарыдала, проклиная животных, как будто они были в чем-то виноваты. В ярости она зарычала, как большая кошка, и сильно ударила его кулаком по груди, закричав.

– Дыши-и-ии!

В этот момент Михаил открыл глаза и вздохнул. Посмотрел на Василису.

– Ты здесь? Ты рядом?

– Да, я здесь, я рядом. Мишенька, нам надо сделать несколько шагов. Там, за этим окном нас ждет другая жизнь. Там ...

Она хотела сказать про сына, но не успела, Михаил закрыл глаза, и, улыбнувшись, перебил ее.

– Я тебе верю.

Глава 6

Фрэнк Синатра, спецгент службы охраны президента Соединенных Штатов Америки, не любил, когда его сравнивали с своим знаменитым тезкой. Не любил до скрежета зубов. Это напоминало ему о его детстве, и своих родителях, которые как раз были на нем помешаны и имя ему дали специально в честь певца.

Все свое детство он жил среди портретов знаменитости, его песен и всевозможных сувениров, на которых было его имя. Родители одевали его как певца, возили на различные конкурсы двойников и заставляли выступать во всевозможных шоу с песнями «романтического баритона». Им казалось это забавным, и позволяло всегда быть на виду у прессы и телевидения.

Когда появилась возможность самостоятельного выбора, он взбунтовался и, вопреки воле родителей, поехал не в Голливуд, а в армию, в морскую пехоту. Оттуда уже после службы в Ираке и Афганистане, он поступил на работу в Центральное Разведывательное Управление.

Поработал немного там, и в конце концов осел в Вашингтоне, в службе охраны президента, в отделе безопасности Белого дома.

Работа ему нравилась, она позволяла ему быть невидимкой, он так устал от публичности в детстве, и в тоже время все видеть, все знать, и за всем следить. Имелось в виду, сидеть целыми днями перед мониторами, которые сканировали пространство вокруг здания и следить за тем, чтобы ни одна мышь не проскочила в святая святых американской демократии.

Заступив на смену, Фрэнк принял доклад своего напарника, который заключался в коротком рассказе о нарушителе периметра.

– Все тихо, без происшествий. Если не считать белой кошки. Прошла по лужайке как по подиуму, и нырнула в подвал. Но я уже сообщил в коммунальную службу, чтобы ее отловили. Они доложили, что поймали ее.

– Что за кошка?

Напарник показал ему запись. Белая тонконогая кошечка прошмыгнула перед видеокамерами в вентиляционную шахту. Потом еще один ролик о том, как ее выносили за ворота уборщики в серых комбинезонах.

– Ну, ясно, давай, уступай мне место.

Они перекинулись еще несколькими фразами о бейсболе, погоде и том, что скоро им предстоит смена объекта. Раз в полгода их переводили на другие точки для того, чтобы не замыливался глаз. У Фрэнка как раз это была предпоследняя неделя на этом секторе, в ближайшее время ему должны были сообщить новое место назначения.

Вариантов, куда его должны были перевести, всегда было много, это мог бы и соседний сектор, или какое-то отдельное здание, и даже командировка, но за всю службу он ни разу не угадал, куда его пошлют.

Посмеялись над этим, договорились попить пива в баре, если их время отдыха совпадет.

Затем Синатра выпустил напарника из комнаты и закрыл за ним дверь, нажав несколько кнопок. Теперь до следующей смены дверь невозможно будет открыть ни снаружи, ни изнутри. Он будет охранять свой сектор, не сводя глаз с мониторов.

Несколько бутербродов и холодный чай должны были скрасить его одиночество.

***

Белая кошка несколько раз обернулась на Белый дом, тряхнула головой, как будто давала понять ее обитателям, что недовольна тем, как с ней обошлись, и высоко подняв хвост засеменила в сторону Мемориала Линкольна через центральную аллею мимо вонючих пикетов и галдящих туристов, не обращая внимания на рвущихся с поводков в ее сторону пикинесов, овчарок, терьеров и прочих шпицев, которых добропорядочные местные жители разом вывели прогуляться.

Несколько раз ей приходилось пускать в ход когти, пару раз забиралась на дерево, спасаясь от особ настырных пуделей, и, тем не менее, она шла, словно ориентируясь по компасу, в сторону Капитолийского холма.

Перебежав две улицы вместе с пешеходами по переходу, наконец, шмыгнула в один из многочисленных переулков квартала и, преодолев несколько заборов, выскочила во двор одноэтажного строения с парковочным местом за заборчиком и небольшим палисадником под барбекю перед ним.

Это были обычные апартаменты, которые сдают обеспеченным туристами, приезжающим посмотреть столицу соединенных штатов на пять-шесть дней. В десяти минутах от метро и всех основных достопримечательностей города.

Кошка шмыгнула на участок со стороны соседнего дома не замеченная никем кроме очередного домашнего пса, сидящего на привязи. Бедняга грустно проследил ее путь и отвернулся, понимая, что все равно не сможешь ее достать. Присев после долгой дороги, белая кошка поче-

сала за ухом, потом выгнула спину, будто разминаясь, скакнула на подоконник, а с него в приоткрытое окно, скрылась внутри здания.

Мурр!

Василиса открыла глаза и сладко потянулась, кошка запрыгнула к ней на кровать и нагло лизнула хозяйку в лицо, та почесала свою любимицу за ухом.

– Набегалась, ну пошли я тебя покормлю!

Василиса прошла на небольшую кухню и достала из холодильника кошачий корм. Кошка потерлась ее об ногу и тут же прилипла к миске, время от времени лакая молоко из рядом стоявшего лотка. Утолив голод, она еще раз мурлыкнула, и, развернувшись, прыгнула на шкаф, спать.

Василиса же заварила кофе и подогрела тост, уселась за стол разгадывать кроссворд. На кухонном столе лежало десяток специализированных журналов. Василиса за полчаса исписала половину одного из них. Потом оделась в джинсы, кофту, кроссовки. Стандартную одежду туриста, желающего прогуляться по вечернему городу. Сунула журнал с кроссвордами в кожаный рюкзачок и вышла на улицу.

Проехав две станции метро, вышла на берегу Потомака, купила хот-дог и села на скамейке любоваться закатом. Мимо пробегали трусцой спортсмены. Где-то минут через десять возле нее остановился один из них.

– Вы позволите присесть? – спросил мужчина, кивая головой на свободное место.

– Без проблем, – Василиса подвинулась.

Мужчина в спортивном костюме упал на край скамейки и не обращая на Василису внимания, начал шнуровать кроссовок. Василиса достала из рюкзака кроссворд и ручку и продолжила его разгадывать.

– Любите кроссворды? – спросил мужчина все еще не смотря на нее.

– Обожаю решать. Но только времени не хватает, – ответила Василиса углубленно изучая журнал.

Мужчина закончил шнуроваться, выпрямился и закинул ногу на ногу. Протянул руку.

– Вы позволите взглянуть?

– Да, конечно.

Василиса протянула мужчине журнал и спросила.

– Как там Михаил, товарищ генерал?

– Ничего, – ответил генерал Симеонов, рассматривая ее каракули, – приходит в себя. Мы перевели его в отделение интенсивной терапии под наблюдение психологов. Эскулапы показали, что твой Михаил все помнит из своей прошлой жизни. Причем досконально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.